

РЕНЭ ГЕРРА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой
русского языка и литературы университета г. Ниццы,
коллекционер-исследователь

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПЕРЕПИСКИ С Б. К. ЗАЙЦЕВЫМ

До сих пор не могу с точностью объяснить, почему, окончив Сорбонну в 1967 году, я выбрал творчество Зайцева для своей магистерской диссертации. Что это было: наитие? интуиция? предназначение? Мог ли я тогда себе представить, что делаю отчаянно смелый, даже дерзкий шаг? Мог ли предвидеть его последствия: высылку из Советского Союза в марте 1969 года; «волчий билет», притом не только в СССР, но и во Франции, где меня отвергли раболопствовавшие перед Кремлем здешние слависты; навешенный на меня ярлык «друга белогвардейцев»...

Судя по дарственной надписи на его книге «В пути» (издательство «Возрождение», Париж, 1951), я впервые встретился с Зайцевым в Париже 28 сентября 1967 года. Помню, как сейчас, свой первый визит к нему на авеню де Шале дом 5. Этот «проспект» на самом деле представлял собой тихую аллею с утопавшими в зелени особняками и воротами по обе стороны — оазис в фешенебельном XVI округе. Совсем рядом была и улица Оффенбаха, где столько лет жил (и здесь же умер) Иван Алексеевич Бунин, его друг еще по России, с которым он, единственным из эмигрантских писателей, был на ты. Уютно посидели мы в его кабинете — спальне на втором этаже. Меня, молодого француза, он поразил своим благородным обликом, аристократизмом, интеллигентностью, учтивостью, сердечным расположением, теплым общением. Он и не скрывал своей радости: впервые за сорок пять лет его жизни во Франции молодой французский славист наконец-то решился написать о его творчестве. Сегодня такой выбор никого бы не удивил, но тогда, сорок лет тому назад, сама эта идея казалась провокационной, даже безумной. Посвятить диссертацию совершенно забытому писателю? Да не просто забытому, а какому-то второстепенному, чуть ли и не третьестепенному? Писателю, которого почти полвека не печатали на родине, который фактически исключен, вычеркнут из русской литературы XX века?! Его вычеркнули из русской литературы, а меня

из французской славистики. Я стал изгоем. Я и не подозревал тогда, сколь презрительно и брезгливо относятся эти слависты, почти сплошь или коммунисты или левые «попутчики», к Белой эмиграции и к писателям-эмигрантам, сколь их ненавидят, сознательно или подсознательно считая их отщепенцами и предателями. Еще бы: ведь они не «поняли» и не приняли «великую октябрьскую»!..

Мы были «содружниками» (не смею назвать Бориса Константиновича своим другом) пять лет, до самой его кончины, но за все эти годы я ни разу не видел у него ни одного французского слависта, даже и русского происхождения, — таких, как скажем, Н.А. Струве, В.К. Лосская, И. Сокологорская, Д.М. Шаховской или кто-то еще. Как же они проглядели русского классика, живущего просто под боком? Не понимали, что он классик? Нет, я лучшего мнения о литературных познаниях этих «товарищей». Прекрасно все понимали, но карьера была дороже, чем «гамбургский счет» в литературе. Общение с патриархом русской литературы в изгнании, непреклонным противником советской власти, могло (и это сущая правда) повредить их карьере. Ведь тогда они лишились бы поездок в Союз, разных грантов и стипендий, доступа в советские архивы и, наверно, еще многого другого. Где уж тут думать о подлинной литературе, о долге перед изгнанниками!

Уместно напомнить и о таком, позорном для Франции, случае. Когда в 1971 году Брежнев нанес официальный визит в Париж, префектура полиции, не смея ослушаться приказа Кремля, обязала девяностолетнего писателя дважды в день самолично отмечаться в участке (см. об этом «Новое русское слово», номер 22 (422) от 3 ноября 1971). Видимо, эти «отметки» должны были гарантировать, что Зайцев не метнет в Брежнева гранату... Чего же тогда требовать от славистов-конформистов? Чтобы добывать визы в СССР, полагалось дружить с его литературоведами в штатском, которых, в свою очередь, охотно приглашали выступать перед студентами Сорбонны. Но этой чести ни разу не удостоились Зайцев, Газданов, Адамович, Вейдле, Одоевцева, Терапиано, Варшавский, Анненков, Шаршун... А ведь по масштабу личности, уровню таланта, широте мышления любой из них не чета тем, которые витийствовали с трибун Сорбонны.

Предваряя публикацию писем, хочу сделать несколько пояснений, без которых отдельные зайцевские строки будет трудно понять.

Читатель, несомненно, обратит внимание на то, что письма от 20 декабря 1968 года, а также от 16 февраля и 7 марта 1969 года посланы Зайцевым мне, слависту-аспиранту МГУ, дипломатической почтой через французское посольство в Москве. Деталь пикантная и в высшей степени символичная! Дело в том, что перед отъездом в Москву я навестил Зайцева, чтобы попрощаться. Он вручил мне три экземпляра своей последней книги «Река времен» (издательство «Русская книга», Нью-Йорк, 1968) с просьбой передать их К.И. Чуковскому в Переделкине, Л.Н. Назаровой, сотруднице Пушкинского Дома, в Ленинграде, а третью послать в Киев Виктору Платоновичу Некрасову. Из писем видно, как важно было писателю-эмигранту, чтобы его книга попала в руки его корреспондентов в СССР. Тех, кого он ценил и уважал.

Съездить в Ленинград мне не дали. Запретили, не вдаваясь в объяснения. У Чуковского я был. Он очень тепло меня принимал на своей переделкинской даче и даже разрешил записать нашу беседу о творчестве Зайцева на магнитофон. Эту запись изъяли «таможенники» у моей невесты в Шереметьевском аэропорту, когда она улетала во Францию. Небезызвестный С. К. Цвигун бахвалился позже в своей книжонке «Тайный фронт», что именно «эта запись положила начало изобличению матерого идеологического диверсанта, в послужном списке которого до поездки в Москву значилась работа на идеологической «кухне» радиостанции «Свобода». К сожалению, Б. К. Зайцев так и не смог услышать голос своего младшего собрата по перу, известного еще до «революции» литературного критика, не раз писавшего о его книгах. Зато моя беседа с Чуковским была много позже извлечена из архивов КГБ и частично опубликована, без моего ведома и разрешения, в журнале «Вопросы литературы» (1993, № 6), о чем я случайно узнал в Париже.

Итак, в январе 1969 года я понял, что дни мои в СССР сочтены. Причиной был не только инцидент на «таможне» в аэропорту. Руку к моему выдворению приложил и мой научный руководитель в московской аспирантуре А. Г. Соколов, декан филфака МГУ. (Бывший офицер-чекист из заградотрядов ВОВ, о чем я узнал позже). Годом раньше, на мою беду, я встретил его у Б. К. Зайцева в Париже, куда он приезжал по приглашению Сорбонны. Видимо, во время тогдашнего чаепития я своими нелицеприятными высказываниями о сильно мною любимых большевиках подписал себе приговор.

1 мая 1969 года газета «Известия» радостно оповестила, что я «выслан советскими компетентными органами за пределы СССР в связи с деятельностью, несовместимой ни с научной, ни с культурной <работой>». Защитило ли меня — или хотя бы попыталось защитить — французское посольство? На этот счет существует дивное русское выражение: «Держи карман шире!». Чего я мог ждать от посольства, если в должности атташе по культуре там пребывал в то время Жерар Абенсур, выпускник русского отделения Сорбонны, член ФКП, чем публично гордился. Он восхищался Советским Союзом и его достижениями, а потом с превеликим трудом защитил беспомощную, компилятивную диссертацию о Мейерхольде.

Все же кое-кого я в Москве сумел и успел повидать. По просьбе Зайцева встретился, например, с бывшим критиком журналов «Красная Новь», «Новый Мир», «Печать и Революция» Н. П. Смирновым. Виделся с буниноведами А. К. Бабореко и О. Н. Михайловым. В компании моих собеседников оказался, к большому моему несчастью, и зловещий следопыт и архивист с Лубянки А. В. Храбровицкий. Сегодня его имя напрочь и безвозвратно забыто, а тогда он пользовался хорошей репутацией в «узких кругах» как неутомимый исследователь творчества Короленко (был женат на его дочери). Эти «круги» ничего, вероятно, не знали о совсем другой, не афишируемой, его деятельности. Все они, что весьма показательно, годами сотрудничали с одиозной газетенкой «Голос Родины» — органом, издававшимся с 1955 года и до 1991 года и бывшим общеизвестным рупором КГБ. Печатались они также в журнале «Отчизна» и в парижских про-

советских «Русских Новостях». В то же время, они состояли в открытой переписке с Г. В. Адамовичем, Ю. К. Терапиано, С. Ю. Прегель, Н. В. Кодрянской, И. В. Одоевцевой. Им всё было, как с гуся вода... С Храбровицким поддерживал очень тесные отношения — и до, и после моей высылки — пребывавший в Москве французский славист Жан Бонамур...

Думаю, к моей высылке из СССР приложил руку не один Храбровицкий. У меня на сильном подозрении, например, одна известная в Москве литературоведческая чета Дейч, материалы о потайной деятельности которой я сейчас собираю. Совсем недавно, прошлым летом, узнал из верных источников, что в Москве в 1973 году был один такой «дом», где собирались представители украинской диаспоры. Этим домом оказалась квартира Евгении Кузьминичны Дейч и ее мужа Александра Иосифовича, литературоведа в штатском. Вдруг стало известно, что кого-то из постоянных гостей семейства Дейч осудили за ... «украинский национализм». А также у известной украинской поэтессы Ю. В. Ильиной-Король, учившейся в Литинституте и бывавшей довольно часто в этом «гостеприимном» доме, по возвращении в Киев были крупные неприятности, ее вызывали в «органы», расспрашивали о тех, с кем она встречалась в доме Дейч, кто там что говорил, какие «националистические» высказывания там звучали и пр. На Владимирской улице было известно все, что происходило в этом московском «очаге украинской культуры»...

Придет час, расскажу и приведу некоторые дополнительные подробности о Храбровицком, испортившем мне немало крови и чуть было не поссорившем меня с Б. К. Зайцевым, и о Е. К. Дейч, которая, кстати, запросто бывала подолгу в Париже с 1966 года и общалась с русскими эмигрантскими писателями и поэтами... Любопытно и весьма показательно, что особа с таким послужным списком оказалась в 2001 году редактором двух последних томов собрания сочинений Бориса Зайцева (Москва, изд. «Русская книга»), а впоследствии умудрилась стать членом редакционной коллегии эмигрантского альманаха «Встречи», издававшегося в Филадельфии, и автором нью-йоркского «Нового Журнала» (декабрь 2007). Грустно. Поистине «все смешалось в доме Облонских».

В рукописном отделе ГБЛ сохранились десятки писем Бориса Зайцева к Храбровицкому, который их туда продавал. Таким образом, я там смог прочесть последние письма Бориса Константиновича, в которых Зайцев лестно обо мне писал и сообщал о моем скором приезде в Москву. Храбровицкий подлейшим образом обманывал доверие последнего классика русской литературы. Это тем более грустно, поскольку Б. К. Зайцев был до конца непримиримым противником советской власти, большевиков и их идеологии.

В один прекрасный день, в начале декабря 1968 года, у выхода из рукописного отдела Ленинки ко мне подошел Варлам Шаламов и сказал, что не надо было общаться с АВХ, а теперь остается только поскорее уехать в Париж, пока еще не поздно.... Прекрасно зная, кто Варлам Шаламов, чьи «Колымские рассказы» до этого читал во Франции в нью-йоркском «Новом журнале», я был очень тронут и потрясен до глубины души его откровен-

ностью и смелостью. Также мне говорил о грозящей опасности Ю. Г. Оксман — замечательный критик, гонимый советской властью, у которого я несколько раз бывал в гостях.

Еще одно письмо — от 10 января 1970 года — нуждается в пояснении. В нем содержится шутка Б. К. Зайцева: «по последним известиям из Москвы, Ренэ вовсе не француз, а русский». Последние известия пришли к Зайцеву от того же Храбровицкого. Понимая, что по возвращении в Париж я его разоблачу, этот короленковед в штатском решил меня опередить. Он поспешил уведомить Зайцева, что я законспирированный агент КГБ и что мое подлинное имя Роман Герасимов. Не на того напал, меряя всех на свой аршин! Думаю, этот ход не был подсказан ему лубянскими начальниками — они все же были умнее. Сам перетрусил и на своей «бдительности» погорел: его репутация в парижских эмигрантских кругах слиняла, ему оставалось корреспондировать теперь только с такими же коллегами по лубянской службе, как он сам.

Двадцать лет спустя, когда появилась в СССР первая положительная статья обо мне, целая полоса в «Книжном Обозрении» (№ 34, 25 августа 1989 г.), А. Храбровицкий сильно расстроился и раздобыв телефон авторов статьи — Натальи и Игоря Поповых, позвонил им, чтобы выразить всю свою ярость и им угрожать, тем самым выдав себя, о чем мне позже сама рассказала Наталья Попова. В ее книге рассказов и воспоминаний «Давние сны» (изд. «Кстати», Москва, 2005, с. 378) можно прочесть, правда, без указания фамилии (вечный страх советских людей этого поколения...!): «После нашей первой встречи с Герра мы с мужем опубликовали в газете «Книжное Обозрение» статью о нем. И на следующую же день один из самых ярых недругов Герра позвонил нам и долго выговаривал за эту публикацию: «Как вы могли? Почему не посоветовались? Почему не проконсультировались с соответствующими органами?». От нее же я узнал, что через несколько дней после этого звонка А.Х. не стало.

Есть необходимость и еще в двух пояснениях.

Намек на Ментону в письме от 15 августа 1971 года объясняется тем, что мой будущий тесть, инженер-химик, доброволец Белой Армии А. Д. Зербино был там директором «Русского Дома».

Письмо от 22 ноября 1968 года адресовано не мне, а Надежде Федоровне Кузнецовой, где Борис Константинович очень трогательно и ласково пишет обо мне. Поэтому, встретившись с Н.Ф. в декабре того же года в Москве, в Земледельческом переулке, я упросил ее мне это письмо подарить. Кстати, меня поразило тогда их сходство, и я понял, что Б. К. для Нади не просто «дядя Боря», а сводный брат.

Наконец, последний комментарий — к письму от 7 ноября 1969 года. Оно адресовано директору C.N.R.S. (Французского Национального Центра Научных Исследований) по просьбе моего научного руководителя, профессора Анри Гранжара, автора замечательной докторской диссертации, а потом и книги об И. С. Тургеневе и его эпохе. Из этой затеи, к сожалению, ничего не вышло, поскольку в этом Центре были (и, увы, остались до сих пор) прокоммунистические настроения, а главное упорное замалчивание

культурного наследия Русского Зарубежья, пренебрежение его вкладом во французскую культуру XX века. Поэтому зайцевский архив, как и архивы А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, Мережковских, П. Н. Милюкова и множества других оказались не нужными французской науке.

В свое время парижский Институт Славяноведения отказался их принять. И никак не случайно, что в Париже, который в 1924 году стал фактически столицей Зарубежной России, не сохранились, кроме архивов названных выше писателей, еще и архивы Бунина, Адамовича, Тэффи, Ходасевича, Вейдле, Газданова, Бердяева, Карташева, Мельгунова, Анненкова, Добужинского, Бенуа, Лифаря и других фигур первой величины русской и мировой культуры. Равно как не сохранились во Франции и архивы Союза русских писателей и журналистов, знаменитых газет и журналов («Последние Новости», «Возрождение», «Россия и Славянство», «Русский Инвалид», «Иллюстрированная Россия», «Звено», «Современные Записки», «Русские Записки»), Союза русских военных инвалидов, Земгора, Русского Общевоинского Союза (РОВС) и других эмигрантских организаций. К счастью, большая их часть была отправлена в США, где они бережно хранятся и доступны для исследователей. Могу в завершение сказать, что и мои архивы, десятки тысяч единиц хранения, не останутся во Франции: им здесь, увы, не место.

Ренэ Герра.

Ницца, ноябрь 2008

P. S. По странной иронии судьбы, когда эта публикация была уже подготовлена к печати, я стал обладателем дополнительной, очень важной информации. Приехав в начале января из Ниццы, обнаружил на своем парижском автоответчике сообщение от Сергея Ивановича Григорьянца, литературоведа и известного правозащитника, о том, что он сейчас в Париже и был бы рад со мною встретиться. Естественно я ему перезвонил и пригласил к себе, ведь я с ним познакомился в Москве зимой 1968 года, нас уже тогда многое объединяло, прежде всего общая любовь к А. М. Ремизову. В ходе дружеской беседы разговор зашел об общих московских знакомых сорокалетней давности и к моему великому удивлению выяснилось, что в 1975 году к его «гэбэшному» делу были причастны Н. П. Смирнов, еще один литературовед, а главным образом А. В. Храбровицкий, который — единственный из этой троицы — явился в суд и дал нужные КГБ показания непосредственно на процессе о том, что обвиняемый читает и распространяет «антисоветскую литературу» (нью-йоркский «Новый Журнал» и мюнхенские «Мосты»). В результате С. И. Григорьянец получил тогда три года тюремного заключения, комментарии излишни... По мнению С. И. Григорьянца, которое несколько дней спустя он высказал в письме ко мне, Лубянка обычно не вызывала своих сотрудников в суд как свидетелей, чтобы не «засветить» их, тем более по сравнительно не масштабному, не «громкому» делу. Видимо, так и есть: Сергею Ивановичу виднее. Но это ничего не меняет в данном случае. Дело даже не в том, что из любого правила бывают исключения: если нет других свидетелей, сойдут и эти... Но главное все же не в этом: к 1975 году

АВХ давно перестал представлять для «органов» интерес в прежнем своем качестве, ибо был уже разоблачен, прежде всего в кругах русских парижан. Разоблачен — по своей же глупости и нахрапистости. Зарвался — и погорел: Б. К. Зайцев оборвал свою переписку с ним и поделился своим знанием о нем со многими эмигрантами. Да и я не молчал...

Ренэ Герра.

Ницца, январь 2009

ПИСЬМА Б. К. ЗАЙЦЕВА

(Публикуются впервые)

1. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.

Париж, 9 сентября 1967 г.

Monsieur René Guerra

50, rue de Dunkerque

06 Le Cannet

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 9 сент. 1967.

Многоуважаемый Ренэ, (вот Вы не сообщаете своего отчества, и получается по детски, точно Вы ребенок. Впрочем, по возрасту Вы несколько моложе меня — в четыре с лишним раза).

Итак, приходите ко мне, когда вернетесь в Париж. «Здравствуй племя молодое, незнакомое...» — откуда это, знаете? Только позвоните заранее по тел<ефону> Jas. 38-33, сговоримся о дне и часе.

Будьте здоровы и процветайте.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. В письме Вашем ни одной ошибки и написано будто русским человеком. Завидую. Я к языкам иностранным мало способен.

2. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.

Париж, 20 декабря 1968 г.

Monsieur René Guerra, stagiaire

aux bons soins de l'Ambassade de France à Moscou

37, Quai d'Orsay

Paris (7)

Valise diplomatique

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 20 дек. 1968.

Дорогой Ренэ, во-первых, — с Праздником! И на Новый год пожелаю лучшие. Вчера был у меня Ваш брат с премилой барышней (думаю, Вашей невестой?) — она едет к Вам и везет Чуковскому кн. мою о Чехове — дай Бог провезти!

Большое спасибо за передачу вещей и книг. Вероятно, посылали в душе отправителей *alia madre*... (далее словечко моего изобретения — италянизированное русское, не совсем лояльное).

Третьего дня получил письмо от Некрасова из Киева. Я ему раньше написал, о книге. Но он книгу мою не получил. Его адр<ес> Киев, Крещатик, д. 15, кв. 10. — Виктор Платонович. Нельзя ли справиться? Или и тут надо ждать «окасии» — из Москвы в Киев? Все возможно.

Посмотрите в библиотеке №№ «Курьера» за 1901–1902 г., м<ожет>-б<ыть> и <1903>, там есть мои давние штучки, не вошедшие в книжку («Гора Угрюмая», «Соседи», «Север» и еще маленькое нечто о двух мордвинах, не помню как названо). Это очень ранняя манера, крайний пантеизм, на который особенно напирал Чуковский (тоже в юных своих писаниях обо мне). Он не то на несколько месяцев моложе меня, не то старше. (Посмотрел в справочник — моложе, род. 1882 г.). Кланяйтесь от меня «младшему собрату».

Будьте здоровы и благополучны.

Сердечный привет от меня и присных моих.

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Очень любопытно послушать голос Ч<уковского> и что он говорит на пластинку Вашу (или не на пластинку, а прямо в аппарат? Я по этой части невежда).

3. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.

Париж, 16 января 1969 г.

Monsieur René Guerra, stagiaire
aux bons soins de l'Ambassade de France à Moscou
37, Quai d'Orsay
Paris (7)
Valise diplomatique

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 16 января 1969.

Дорогой Ренэ, рад был получить от Вас весть, спасибо. Вижу, что землю роете в архивах. Ну вот, кое-что добавлю Вам. «Утро России» была газета довольно приличная, направления «обще-либерального». Редактировал ее Алексеевский, небезызвестный тогда журналист, зять Леонида Андреева. Издавал миллионер московский Рябушинский П.П. (не «Золотое Руно», тот был Николай, его брат). «Раннее утро» — более бульварного типа. — Вот иногда давнее лучше запоминается! «Сергей Ник<олаевич>» — померещилось: Сергеев-Ценский. Проверил, да. А я его почти не знал, так, бегло встречался (раз чуть было не потерял его рукопись! Забыл на камине петербургск<ого> ресторана «Вена». В ужасе был, но слава Богу, нашлась, ее не выбросили). Осип Исидорович — Дымов (псевдоним, конечно. В то время довольно известн<ый> писатель. Веселый и остроумный иудей). Но для меня все это — кладбище. Никого в живых не осталось. С<ергеев>-Цен<ский> долго жил, умер в 1958 г., 83-х лет. Остальные гораздо раньше.

Когда увидите Чуковского, передайте ему благодарность за книжку — ее передала «небезызвестная» Вам Катя, очень милая барышня, поздравляю. А как дело с книжками Назаровой и Некрасову? Хотелось бы, чтобы добрели до них. Знаю, что это не так просто... Если бы Петербург и Киев были в Москве, очень бы упростилось. Все же «толчите, и отверзится» — особенно в Петерб<ург> хотелось бы пробраться. Назарова верный и обязательный человек. Я перед ней всегда в долгу.

Здесь холодно. Воображаю, что в Москве! Но когда жил там, не обращал внимания. Все-таки, не отмораживайте уши. Катя будет недовольна.

Да, еще: ради Бога, заведите себе не такой бледный карандаш. Мне 88 лет, читать мелко-бледный бисер нелегко, уверяю Вас. А что письма мои переписывали — низко кланяюсь, «страданию твоему кланяюсь», хоть Вы на Дмитрия Карамазова не похожи. (Вы находите их интересными — думаю, из любезности.)

Будьте здоровы, дорогой, деятельны и молоды, не засиживайтесь в Москве. К весне ждем обратно!

Ваш Бор. Зайцев.

4. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.

Париж, 7 марта 1969 г.

Monsieur René Guerra, stagiaire,
aux bons soins de l'Ambassade de France à Moscou
37, Quai d'Orsay
Paris (7)
Valise diplomatique
5, Av. des Chalets, Paris (16.) 7 марта 1969.

Дорогой Ренэ, получил сейчас два известия: 1. Людмила Ник<олаевна> Назарова (Просп. М. Тореза, д. 102, корпус 5, кв.287 Ленинград, К-17) очень хочет получить «Реку времен». 2. От Нади известие, что Вы через две недели уезжаете из Москвы. Как же бы так устроить, чтобы кн<ига> добралась до Н<азаров>ой? Мне бы очень хотелось этого.

Спишитесь с ней. Вот что она еще пишет: «... в Москве постоянно живет одна моя кузина и я могу попросить ее зайти за книгой, если буду знать адрес» Ваш — а я сам его не знаю! Конечно, лучший способ — Вам написать ей и условиться. Пожалуйста, сделайте это.

Ваша Катя звонила Наташе на днях, сказала, что Вы возвращаетесь в мае, и это новое сведение из Москвы, что «через две недели», смущает из за судьбы книги для Киева и Петербурга.

Наташа сейчас лежит, грипп. Остальные пока в порядке.

Будьте и Вы здоровы, трудитесь, заведите себе отчетливое перо, темное, чтобы можно было читать — хотя бы из человеколюбия.

Всего доброго! Ваш Бор. Зайцев.

P.S. М<ожет>б<ыть>, Вы уезжаете не сюда а куда ниб<удь> в России?

5. Б. К. Зайцев — Екатерине Зербино.*Париж, 10 января 1970 г.*

Mademoiselle Catherine Zerbino 1, Av. du Maréchal Joffre

Meudon (S. et O.)

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 10 янв. 1970.

Милую Катю приветствую с Новым Годом и Рождеством Христовым, желаю всего лучшего и сообщаю, что по последним известиям из Москвы, Ренэ вовсе не француз, а русский. Это для меня несколько неожиданно, и я ответил, что сомневаюсь теперь, русский ли я сам? Пожалуй, не француз ли? В таком духе и написал. Но глупость человеческую ничем не пробьешь. Ренэ называется у них теперь Герасимов. А я буду Monsieur le Lievte.

Будьте здоровы, кланяйтесь от меня Ренэ. Ваш Бор. Зайцев.

6. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.*Париж, 15 августа 1971 г.*

Monsieur René Guerra 5, Av. Windsor

Cannes (06)

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 26.XII.70.

Дорогой Ренэ, с Рождеством Христовым и Новым Годом! Привет и лучшие пожелания Вам и Вашей Кате.

Прилагаю кое что для нашей работы. Написал еще о А. Толстом, Адамовиче и Арцыбашеве. Но не могу найти! Не взяли ли Вы, уезжая?

Всего доброго!

Ваш Бор. Зайцев.

7. Б. К. Зайцев — Ренэ Герра.*Париж, 15 августа 1971 г.*

Monsieur René Guerra 5, Av. Windsor

Cannes (06)

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 15.VIII.71.

Дорогой Ренэ, что ж Вы там в Канне загуляли, небось купаетесь, загораете на солнце — знаю я эту жизнь, сам так жил. Ненадолго — хорошо, потом надоедает. Вот если бы Вы научились вплавь добираться до Ментоны, другое дело. Там для Вас не скучно. Тут нет ни моря, ни Ментоны, ни Кати Зербино. (Передайте ей, пожалуйста, мой искренний привет и благодарность за память). И сами примите ее. Мы осенью переезжаем в XV arrondissement около метро Sambonne будем жить, конечно, кв<артира> не такая, как здесь, но высоко (лифт) и светло. Три комнаты, одна из них

большая, как наша гостиная. Конечно, неск<олько> дней будет столпотворение вавилонское. Но Наташа (по словам Веры Алекс<еевны> — «законченный делец»). Она в 13 раз быстрее и толковее меня. «Все образуется», как говорили у нас пейзане во времена plusquaperfectum.

Париж сейчас пуст. Хорошо, я люблю это время здесь. В октябре на 24, rue Frémicourt будет по другому.

Господь Вас храни. И Катю. С лучшими чувствами, пожеланиями счастья. Престарелый

Бор. З.

8. Б. К. Зайцев — Н. Ф. Кузнецовой.

Париж, 22 ноября 1968 г.

СССР

Москва

Земледельческий пер. д.9 кв.5

Надежде Федоровне Кузнецовой

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 22 ноября 1968

Дорогая Надечка, пишу тебе по просьбе Наташи — она сейчас без задних ног от хлопот по Благотв<орительному> Базару для Детск<ого> Дома.

Она отправила тебе отсюда с французским студентом разные вещи, и как раз такую обувь, какая тебе нужна. Он провез все (от него была телеграмма). Может быть, когда получишь это письмо, он как раз и доставит посылку. Там довольно много всякого добра.

Адреса его в Москве не знаем. Он пробудет там до весны, зовут его Ренэ, очень милый бородач, говорит по русски как мы с тобой, вообще русопят первостатейный.

Написал работу обо мне, защитил ее в Сорбонне, (здесьн<ий>Ун<иверситет>), теперь в Московск<их> Архивах будет раскапывать всякие вещи насчет русск<ой> литер<атуры> начала этого века — для диссертации уже на доктора.

Письмо твое очень милое, но ты напрасно беспокоишься, Наташа делала все с любовью, а материально это ничего ей не стоило.

Ужасно жаль, что тебе пока не дали визы. Но вполне возможно, что когда станет спокойнее в политике, то и дадут.

У нас, слава Богу, все благополучно (тьфу, не сглазить!). Жизнь проходит — и уходит, конечно! — но тут уж ничего не поделаешь. Мои сверстники и современники вымирают неукоснительно, меня самого молодой советский писатель назвал в письме «патриархом российской словесности!». Попроще сказать — самый старый, это верно.

Не только в эмиграции, но и в самой России. В нач<але> февраля — 88 лет. Слышу неважно, хожу медленно, пока что — читаю. Вокруг — любовь и забота.

Обнимаю тебя, дорогая, и целую. Вполне надеюсь, что еще повидаемся на этом свете (хотя надо поторапливаться. Сроки не велики).

С любовью.
«дядя Боря»

9. Б. К. Зайцев — директору Французского Национального Центра научных исследований.

Париж, 7 ноября 1969 г.

5, Av. des Chalets, Paris (16.) 7 ноября 1969.

Глубокоуважаемый г. Директор С.N.R.S., обращаюсь к Вам с нижеследующим: Ренэ Герра, студент Парижского Университета, уже довольно давно работает над моими сочинениями. Защитил первую диссертацию о моем писании (в Сорбонне), теперь готовит вторую, докторскую. Мой литературный архив представляет для него большой интерес — я и даю ему право трудиться над ним и составить опись его для С.N.R.S.

Право собственности на этот архив я оставляю за собой, но пока он нужен будет г-ну Герра для его труда, он будет иметь беспрепятственный доступ к нему.

г. Герра работает, следовательно, не только для себя, но и для С.N.R.S. Против этого я ничего не имею, напротив, приветствую.

С уважением
Борис Зайцев.

10. Б. К. Зайцев — Г. Н. Кузнецовой.

Париж, 24 июня 1970 г.

Галине Николаевне Кузнецовой 24. VI. 70

Ainmillerstr. 30

8 München 13

Дорогая Галина,

записку эту передаст Вам мой знакомый (хорошо знакомый) Ренэ Юлианович Герра, французского происхождения, будущий профессор Русской Литературы. Он интересуется Буниным, будет писать о нем. — Не откажите рассказать ему о Грассе, о жизни там, и т. п. Он хороший француз.

Пишу наспех, будьте здоровы, целую ручку.

Ваш — Бор. Зайцев.